

Вожак волков-оборотней остановился, обвел взглядом сжавшуюся в комок стаю, от которой веяло холодом, и, склонив голову, спросил:

— Кто из них начал?

Я покачал головой:

— Не помню. — Все волки на одно лицо, разве их различишь?

— М-м, тогда накажем всех. Перебить их, и дело с концом. — Вожак метнул пучок игл, тонких, как волосы, которые веером вонзились в окружившую нас стаю.

Я вздрогнул. Клинок Люцзин сорвался с места, сбивая иглы на лету.

— Они действуют по инстинктам, к чему их винить? Это слишком жестоко. Ты их вожак, как ты можешь... — Если бы волки были как mobs в современных онлайн-играх, которые постоянно респаунятся, я бы и глазом не моргнул, перебив их хоть десяток раз. Но здесь они — живые существа, у них всего одна жизнь, даже короче, чем у игроков с их возрождениями.

— Не хочешь — как хочешь, пусть живут. Больше ни один волк не посмеет проявить к тебе неуважение... — Вожак взмахнул рукой, и иглы послушно вернулись в его рукав.

Я скривился: пока он не убивает у меня на глазах, мне-то что. Убрав парные клинки Люцзин, я последовал за вожаком по коридору, освещенному кристаллами. В прошлый раз я бежал в такой спешке, что не заметил: пол был выложен нефритом, мягким и приятным при ходьбе. Вожак толкнул каменную дверь, прошел внутрь и замер, ожидая меня. Я на секунду заколебался, но, подумав, что взять с меня нечего, шагнул следом.

Это была не та пещера, где хранились кристаллы, а жилая комната, обставленная со вкусом: круглый столик, резные деревянные табуреты, керамическая ваза, на стене — свиток с пейзажем... За ширмой из фиолетового дерева виднелась кушетка. Вожак обогнул ширму и сел, на столике перед ним стояли свежие фрукты.

Пока он отошел в боковую комнату, я взял плод, похожий на яблоко, и вгрызся в него. Хм... выглядит как яблоко, а на вкус — груша. Странная игра.

— Тебе мои вещи велики, примерь вот это.

Я поднял голову. Вожак стоял передо мной, держа в руках стопку белых одежд, и смотрел на меня с непривычной добротой. Я перевел взгляд на одежду, потом на него. Что происходит? Он что, решил, что я снова пришел выпрашивать наряды?

М-да...

В конце концов, я не смог отказать и переоделся. В основном потому, что не люблю черный цвет — он какой-то мертвенный. Белое — другое дело, сразу чувствуешь себя чище. Я довольно разглядывал свое отражение в водном зеркале: не зря говорят, что человека красит одежда. Раз уж природа не наградила меня ослепительной внешностью, придется брать антуражем.

И тут мне стало грустно. Все герои, попадающие в другие миры, — писанные красавцы, почему же я, попав сюда, где каждый встречный — само совершенство, остался с лицом обычного человека? В детстве я был пухленьким и милым, а теперь — кожа да кости, никакой изюминки... А вот лицо Тяньяна — это что-то неземное, красивее всех небожителей, что я видел. От одной мысли слюнки текут...

Я тряхнул головой. Хватит бредить!

— Ну как? Впору? — Цанлан (так звали вожака) приоткрыл занавеску из бусин и, прислонившись к дверному косяку, с любопытством наблюдал за мной.

Я кивнул, прошел мимо него и, обернувшись, улыбнулся:

— В самый раз! Цанлан, откуда ты знал, что я люблю белый?

— В нашу первую встречу ты был в белом. А потом долго рылся в сундуке, пока с неохотой не выбрал несколько простых вещей...

Цанлан оказался отличным собеседником, совсем не похожим на ту ледяную глыбу, которой я его представлял. Он говорил мягко, и при этом его волчьи уши смешно подергивались. На нем был лазурный халат, придающий ему внушительный вид, но пушистые уши смотрелись на этом фоне как-то странно. И все же казалось, что они — естественная часть его облика. Такие пушистые... прямо как у Инуяши...

Я облизнул губы, ужасно хотелось их потрогать — наверняка они невероятно мягкие.

— Слушай... Цанлан, ты ведь уже достиг уровня бессмертного, почему уши не исчезли?

Цанлан рассмеялся — едва заметно, уголками губ, но глаза его действительно улыбались:

— Они подтверждают мою сущность, нет нужды от них избавляться. — Его взгляд смягчился: — Техники, которые оставил Сяо Цю, оказались очень полезны. Я возвысился до уровня демонического бессмертного, даже не проходя через Небесную кару...

Я кивнул:

— Да, та техника позволяет избежать кары, а в будущем можно достичь уровня Небесного бога, и это еще не предел... — Я снова покосился на его пушистые белые уши. Они дернулись и закрутились. Хочу потрогать... В душе словно кошки скребли.

В конечном счете, дотронуться до этих манящих ушей мне так и не удалось — все внимание поглотили кристаллы в жиле. Я учил его простейшим бессмертным техникам, отчасти из желания задобрить, отчасти — чтобы он помогал мне собирать редкие камни.

Цанлан был человеком скрытным: в том, что касалось совершенствования, он спрашивал без стеснения, но о личном молчал. Это меня успокаивало. В конце концов, если бы он спросил, почему я так много знаю, но при этом так слаб, мне было бы нечего ответить. Впрочем, скорее всего, он и сам знал об окружающем мире куда больше, чем показывал.

Он не спрашивал меня, я не спрашивал его. Жизнь в одиночестве бывает тоскливой, поэтому иметь друга, с которым можно выпить вина, полюбоваться луной или изредка сразиться в спарринге — настоящее счастье.

В горах время течет незаметно.

Годы пролетели, как один миг. Спустя десять лет я наконец достиг начальной ступени бессмертия, а мой духовный меч научился разделяться на сотню клинков. Я перезнакомился со всеми демоническими зверями на этой планете, под предлогом борьбы с нечистью устраивая с ними дружеские поединки. Мой танец из сотни летящих мечей стал настолько безупречным и непредсказуемым, что вскоре все демоны попрятались по своим норам, и я лишился своего любимого развлечения.

Третий месяц весны, трава зеленеет, птицы поют.

Я отпил фруктового вина, сидя на камне и слушая журчание воды. Даже самая прекрасная картина приедается, если смотреть на нее изо дня в день. Я наклонил нефритовый кубок, и прозрачное вино струйкой полилось на лист лотоса, заплескало на нем, а затем, нехотя соскользнув, слилось с потоком воды.

Мой нерадивый дух-проводник бросил хозяина ради любви и отправился путешествовать по вселенной вслед за своим избранником. Под чьим-то крылом ему наверняка живется припеваючи, и теперь неизвестно, в каком секторе космоса он осел.

Глядя на золотистые блики на воде, я тяжело вздохнул и взмыл в небо. Пора уходить. Бегство никогда не решает проблем. К тому же одному... слишком уж тоскливо.

Добравшись до Волчьей горы, где жил Цанлан, я увидел, как навстречу мне выбежал волк и принялся ластиться. Я потрепал его по голове, сел на спину, и он повез меня к вожаку.

Вдали вспыхнуло пламя, и я замер. Не знаю, какой самоубийца решился вынудить Цанлана применить Приказ Феникса. Волк довез меня до места и замаялся, не желая идти дальше. Я погладил его по шее, прыгнул и, перемахнув через толпу зевак, приземлился рядом с Цанланом. Сделав шаг назад, я молча оглядел противников.

В последнее время на Звериную планету редко кто заглядывал. Я думал, это Лис Чу ввел какие-то запреты, но, похоже, дело было не в этом.

Перед нами стояли пятеро, если считать за людей того, кто лежал на земле, превратившись в обугленный кусок мяса. Уровень их совершенствования был близок к стадии Преодоления бедствия, все они выглядели запущенными, совсем не как игроки. Сейчас они дрожали, в панике оглядываясь по сторонам. Постояв так немного под ледяным взглядом Цанлана, они даже не попытались забрать тело товарища и бросились наутек.

Проводив их взглядом, я искоса посмотрел на Цанлана. Он брезгливо поморщился, глядя на уголек, и просто сжег его Приказом Феникса до пепла.

— Сегодня свободен? Есть одно место, где можно потренировать заклинания.

Я как раз собирался попрощаться, но Цанлан опередил меня. Я улыбнулся: спешить некуда, и ответил:

— Отлично, как раз все демоны в лесу попрятались.

Цанлан слегка наклонил голову, в его глазах плясали смешинки, и он одобрительно кивнул. Сказал, что ему нужно зайти в пещеру за кое-какими вещами, и попросил подождать.

Пока я ждал, заметил на траве проплешину засохшей земли. Попробовал сложить печать Жизни. Духовная энергия хлынула вниз, и в мгновение ока пробилась нежная зелень. К тому времени, как вернулся Цанлан, трава уже выровнялась, и нельзя было сказать, где был свежий росток.

Мы шли по бескрайней степи, и каждый наш шаг переносил нас на многие ли вперед.

Впереди расстилалось бесконечное море зелени, переходящее в глубокую синеву на горизонте. В вышине кружили орлы, мимо пронеслись табуны лошадей, мы проходили мимо зеркальных озер и низких зарослей... а поднявшись на высокую гору, увидели бескрайний океан. Волны с грохотом разбивались о скалы, оглушая своим ревом.

Океан открылся перед нами, словно мир раскололся надвое: с одной стороны — яркое солнце и чистое небо, с другой — завывающий ветер и бурлящие грязные воды. Темное небо, низкие тучи нависли над всей гладью, а там, где море сливалось с небом, царила сплошная чернота. Морской бриз принес тошнотворный запах гнили. Глядя на черную, маслянистую воду, я подумал, что даже мост Найхэ в преисподней вряд ли выглядит хуже.

— Хм, — я нахмурился и спросил Цанлана: — Это появилось недавно?

Цанлан сжал губы в тонкую линию и взмахом рукава поставил защитный барьер, чтобы нас не сбило ветром.

— Главарь тех людей бросил здесь зверя Куньпэна. Тот превратился в демона и отравил все море. Боюсь, здесь больше не осталось живых существ. — Он посмотрел мне в глаза: — Твое совершенствование вернулось на уровень бессмертного, как раз потренируешься на нем. Внешний мир полон убийств, боюсь, ты не сможешь следовать своему принципу не проливать крови.

Я слегка улыбнулся. Значит, он догадался, что я собираюсь уйти. Ну и ладно... Резкий зловонный запах ударил в нос, я взмыл в небо, и из-под воды раздался оглушительный рев.

— Р-р-а-а... Гр-р-а... Буль...

Огромная голова чудовища рассекла волны, скала, на которой я стоял, обрушилась в воду. Море забурлило, и из глубины, окутанное зловещей темной аурой, вырвалось чудовище. Я кивнул Цанлану и, призвав парные клинки Люцзин, бросился вперед.

— Разделение на сотню! — Черный кристальный меч разделился на сотню клинков, с воем устремившись к цели. Белый меч кружил у меня под ногами, выжидая момента.

В Северном море есть рыба, имя ей — Кунь. Кунь так велика, что не знаешь, сколько тысяч ли в ней. Она превращается в птицу, имя ей — Пэн. Спина Пэна — тысячи ли в ширину. В гневе она взмывает ввысь, и крылья ее — что тучи в небе. Каким гордым существом был Куньпэн, а теперь эта гниющая тварь может лишь барахтаться в воде. Присмотревшись, я увидел под черным туманом рваные раны и обрубки крыльев...

Чудовище металось в воде, черная аура сгущалась, оно выпрыгивало из воды, скаля зубы и извергая зловонный туман.

Мои клинки рассекали воздух, оставляя на теле зверя кровавые следы. Его рык сменился жалобным воем, похожим на плач младенца.

Сердце дрогнуло. Что я делаю? Законы Империи, равенство всех живых существ — забыл? Куньпэн в таком ужасном состоянии, он стал демоном, потому что его довели до этого. Неужели я должен убить его за ошибки, которые совершили другие? Что за эксперименты они проводили, раз лишили Куньпэна крыльев, не давая ему взлететь?.. Не становлюсь ли я сейчас их сообщником?

— Ух...

Сгусток черного тумана ударил прямо в лицо. Отвлечшись, я не успел увернуться, и, открыв глаза, обнаружил, что заперт в черной пустоте. Черт, забыл, что Тяньян говорил: нельзя проявлять жалость к демонам, потерявшим разум.

Тело не слушалось. Вокруг расплзались красные кровавые нити, постепенно опутывая меня. К

счастью, связь с клинками Люцзин не прервалась, и я, больше не колеблясь, приказал им атаковать в полную силу. Сквозь душераздирающий вой я почувствовал, как хватка ослабла, но тут же стала еще тяжелее — кровавые нити впились в кожу, словно насекомые.

Демоническая энергия проникает внутрь?

Я погрузился в себя. Абрикосово-желтый флаг тихо парил в моем даньтяне, не проявляя признаков жизни. На этот флаг, ведущий себя как капризный барин, надежды не было — до уровня Небесного бога я все равно не смогу его активировать. Я направил энергию меча, чтобы сдерживать вторжение тьмы. На самом деле, лучший способ — это слияние, но в игре смерть — не настоящая, и я не хотел, чтобы эта грязь стала частью меня.

Демоническая энергия почувствовала сопротивление и начала ассимилироваться с моей кровью. Я знал — даже не открывая глаз, — что сейчас окутан кровавым туманом. Несмотря на запас духовной силы, потеря крови делала меня все слабее. Сначала онемели конечности, затем холод начал подбираться к сердцу...

Сознание стало мутнеть. Люцзин, ну что же вы, почему до сих пор не закончили?..

Внезапно стало легко, зловоние рассеялось, в нос ударил запах свежей травы, талию обхватили чьи-то руки, и я провалился в теплое объятие... Тяньян, это ты?

Сон Чжуан-цзы о бабочке, или бабочка видит сон о Чжуан-цзы?

Находясь в теплом и мягком месте, я медленно открыл глаза. Ослепительный белый свет заставил снова зажмуриться, но через мгновение зрение прояснилось. За окном сияло солнце, согревая лицо. Я тупо уставился на вялые хризантемы за окном и серые жилые дома за решеткой балкона... Взгляд упал на будильник на тумбочке — ровно девять!

— А! Вот почему так ярко, черт, я же опаздываю!

Я вскочил, схватил футболку со стула и натянул ее. Едва рука прошла через голову, я почувствовал что-то не то, но не успел сообразить, как дверь распахнулась. В комнату ворвался свежий запах травы, и в дверях показался до боли знакомый силуэт.

Этот человек был так красив, что невозможно оторвать взгляд — словно выточен из лучшего нефрита, а потом отшлифован тысячелетиями. Он небрежно прислонился к дверному косяку, приподняв бровь, и смотрел на меня с таким выражением, будто был совсем из другого мира — ледяная гора посреди жаркого лета.

Откуда у меня такой шикарный друг?

— Проснулся? Я приготовил рисовую лапшу с говядиной.

Его низкий голос заставил меня вздрогнуть. Только сейчас я заметил, что на нем фартук с рисунком мишки. Это выглядело нелепо, но он, казалось, не обращал внимания. Длинные волосы, достигающие до пояса, были перехвачены лентой, несколько прядей спадали на грудь...

Я нахмурился. Нет, все не так. Он должен быть в ханфу с запахом, черном. Волосы собраны заколкой из фиолетового нефрита, чтобы не мешали в бою...

— Чего застыл? Проснулся — иди умывайся. Или... хочешь, чтобы я помог тебе одеться?

Глядя, как уголки его губ медленно ползут вверх, я инстинктивно почувствовал опасность, поспешно замотал головой и принялся одеваться, не в силах думать о странностях своего тела.

Я проскользнул в ванную — крохотную, без зеркала, где едва могли развернуться двое. На полке — парные зубные щетки и полотенца... Я что, с кем-то живу? В полузабытьи почистил зубы, умылся и вышел в гостиную. Обстановка казалась до боли знакомой, но такой далекой, словно из прошлой жизни.

На столе стояли две дымящиеся тарелки. Я быстро сел и крикнул в сторону кухни:

— Я голоден, давай быстрее! — и тут же замолчал, пораженный собственными словами.

— Иду-иду. Хрустящие огурчики, маринованная редька, новый рецепт, пробуй.

Глядя в его сияющие глаза, я подумал, что хотел бы, чтобы так было всю жизнь. От одной мысли о разлуке кусок застрял в горле. Механически доев завтрак, я нахмурился и начал бродить по дому, разглядывая уютные мелочи. Невольно забрел на кухню — этот невероятно красивый человек, будто сошедший со старинной картины, мыл посуду.

Почесал затылок. Все-таки это очень странно!

Точно, разве мне не нужно на работу? Мысли путались, но уходить не хотелось. Я прижался к стене и украдкой наблюдал за ним. «Величественный» — это слово придумали специально для него. Красивее Пань Аня? Сун Юя? Нет, в нем не было ни капли жеманства...

Ладно, один день прогула — не страшно, пусть старик вычтет из зарплаты.

— Опять витаешь в облаках? Остолбенел, глядя на меня?

Его дыхание коснулось уха, стало щекотно. Я втянул голову в плечи, щеки вспыхнули, я не смел поднять на него взгляд. На губах стало тепло — мягкое прикосновение. Я осторожно поднял глаза и встретился с его глубокими, как темные омуты, зрачками. Увидев свое отражение в его глазах, я снова замер.

Его губы снова коснулись моих, он слегка прикусил их, а потом скользнул языком внутрь, нежно захватывая все пространство. По телу разлилось онемение, сознание начало тонуть в разноцветном мареве.

— Пробуй, свежие личи, очень сочные.

Мне в рот сунули очищенную ягоду личи. Сладкая. Я обнаружил, что сижу на диване, и искоса посмотрел на него. Взгляд зацепился за телевизор, в котором отражалась комната. Тот длинноволосый, хрупкий юноша — это я?

Нет! Я не должен здесь быть! Я в ужасе вздрогнул, сжал личи в руке, и липкий сок потек по пальцам.

— Что такое? Невкусно? Или хочешь чего-то другого?

Я прижался к нему и покачал головой. Тяньян, почему ты постоянно врываешься в мои сны?

— Тише, Сяо Юй, не плачь, у меня сердце разрывается...

Фигура расплывалась, по лицу катились слезы. Тяньян, неужели я так скучаю, что даже во сне не могу тебя забыть?

— Буль... Буль-буль...

Звук разбивающихся о скалы волн ворвался в сознание. Я закрыл лицо руками, запрокинул голову, не давая слезам упасть. Я же запрещал себе думать об этом, почему стоит закрыть глаза — и ты тут как тут? Неужели нет спасения? Ты не появляешься, потому что ждешь, пока я смирюсь и сам приду в твою ловушку?

— Цю, когда ты уходишь?

Услышав позади голос Цанлана, я глубоко вздохнул и опустил руки. Призвал обратно кружащие клинки Люцзин и, глядя на прояснившуюся синюю воду, улыбнулся:

— Скоро. Цанлан, это ты тогда вмешался? Твои руки подхватили меня в последний миг? Ты нашел меня, но не хотел показываться?

Он что-то невнятно пробормотал. Я обернулся — Цанлан выглядел смущенным, но я не понял почему. Да и ладно, меньше знаешь — крепче спишь, а разгадки только прибавляют головной боли. Небо было высоким и синим, кричали чайки, а там, где море сливалось с горизонтом, солнце, окруженное красными облаками, медленно уходило за край, и вода заиграла золотыми бликами. Природа обладает удивительной силой восстановления — скоро эти воды снова станут океанским раем...

Я вскинул брови и зашагал прочь, махнув рукой:

— Пошли! Вернемся и выпьем на прощание.

Мы медленно летели на облаке, любуясь пейзажем и перебрасываясь фразами. Вряд ли я когда-нибудь вернусь на эту планету, поэтому перед уходом хотелось получше все разглядеть, запечатлеть этот путь в памяти, как в фотоальбоме. В конце концов, я прожил здесь больше десяти лет, было и горькое, и сладкое — драгоценные воспоминания для любого человека.

Когда солнце почти скрылось, а небо окрасилось в багровые тона, мы вернулись на Волчью гору. Но увиденное заставило нас нахмуриться: обугленная трава, трупы волков повсюду, скрытая гора...

— Они действительно не оставляют попыток, — тихо вздохнул Цанлан. — Похоже, не судьба нам выпить вина.

<http://bllate.org/book/22448/2359529>